

ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ НА КАВКАЗЕ

(отв. редакторы специальной темы –
Э.-Б.М. Гучинова, Г.А. Шагоян)

Научная статья
УДК 325:94
doi: 10.17223/2312461X/49/5

Языки описания насильственных переселений: власть, идентичность, память. Введение к специальной теме номера

Эльза-Баир Мацаковна Гучинова¹,
Гаяне Арутюновна Шагоян²

¹ *Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия*

² *Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения*

¹ *bairjan@mail.ru*

² *gayashag@yahoo.com*

Аннотация. Характеризуется проблемное поле антропологических исследований советских депортаций. Предлагаются концептуальные подходы к анализу нарративов о принудительных переселениях через призму языка, памяти и идентичности. Статьи специальной темы номера основаны на материалах секции «Антропология массовых депортаций в СССР» XV Конгресса антропологов и этнологов России (КАЭР, 2023). Авторы подчеркивают, что в описании депортационного опыта доминируют правовые и административные термины, а также публицистическая риторика, которые редко соответствуют сложной социальной и культурной реальности. Особое внимание уделяется формам вернакулярной памяти – локальным, неинституционализированным способом запоминания и передачи травматического опыта, основанным на семейных архивах, устных рассказах и визуальных практиках. На основе теоретических подходов Б. Миштал, М. Хирш, Р. Бендикс и М. Ротберга рассматривается, как память о депортациях формируется вне официального канона и институционального признания, вступая в конкуренцию или диалог с другими травматическими нарративами. Авторы выделяют три уровня описания депортационного опыта: язык власти, академический язык и язык жертв, предлагая междисциплинарную перспективу для анализа коллективной памяти. Представлен общий контекст для включенных в специальную тему кейсов: депортации армян (1949) и вытеснения армян из Нахичевани (1988–1989). Работа демонстрирует, как депортации становились не только политическим инструментом, но и важным фактором в формировании новых идентичностей, трансформации памяти и переопределении границ сообществ в постсоветском пространстве.

Ключевые слова: насильственные выселения, армяне в СССР, коллективная память, язык описания, антропология насилия, вернакулярный язык, нарратив

Для цитирования: Гучинова Э.-Б.М., Шагоян Г.А. Языки описания насильственных переселений: власть, идентичность, память. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2025. № 3. С. 96–105. doi: 10.17223/2312461X/49/5

Original article

doi: 10.17223/2312461X/49/5

Languages of Representation of Forced Displacements: Authority, Identity, and Memory. Introduction to the Special Theme of the Issue

Elza-Bair M. Guchinova¹, Gayane A. Shagoyan²

¹ *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

² *Institute of Archaeology and Ethnography, Armenian Academy of Sciences,
Yerevan, Armenia*

¹ *bairjan@mail.ru*

² *gayashag@yahoo.com*

Abstract. This article introduces the thematic issue dedicated to the anthropology of Soviet deportations and outlines a conceptual framework for analyzing narratives of forced displacement through the lenses of language, memory, and identity. The issue is based on materials from the panel “Anthropology of Mass Deportations in the USSR” at the XV CAER (2023). The authors argue that legal, administrative, and journalistic vocabularies dominate the representation of deportation experiences, often failing to reflect the social and cultural complexity of the events. Particular attention is given to forms of vernacular memory—localized, non-institutionalized modes of remembering and transmitting trauma rooted in oral histories, family archives, and visual practices. Drawing on the theoretical insights of B. Misztal, M. Hirsch, R. Bendix, and M. Rothberg, the article explores how memory about Soviet deportations is constructed outside official narratives, often entering into competition or dialogue with other traumatic histories. The authors identify three levels of description: the language of power, academic discourse, and the language of victims, proposing an interdisciplinary approach to understanding collective memory. The issue includes case studies on the deportation of Armenians in 1949 and the expulsion of Armenians from Nakhichevan in 1988–1989. The article shows how deportations served not only as political instruments but also as catalysts for identity formation, memory transformation, and the reconfiguration of community boundaries in the post-Soviet context.

Keywords: forced displacement, Armenians in the USSR, collective memory, language of description, anthropology of violence, vernacular language, narrative

For citation: Guchinova, E.-B.M. & Shagoyan, G.A. (2025) Languages of Representation of Forced Displacements: Authority, Identity, and Memory. Introduction to the Special Theme of the Issue. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 96–105. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/49/5

История массовых депортаций в СССР на сегодняшний день имеет относительно узкий круг исследователей, сложившийся за последние

три десятилетия. Эти ученые, как правило, сосредоточены на изучении одной этнической группы, чаще той, к которой принадлежат, редко выходя за пределы выбранного поля, вследствие чего сравнительные работы в данной области почти отсутствуют. В существующих на эту тему публикациях доминируют термины, заимствованные либо из языка власти (юридическая и административная лексика), либо эмоционально нагруженные выражения из публицистического дискурса. В исследовательский тезаурус иногда проникают определения, используемые самими пострадавшими для описания своего статуса и субъектности. Однако эти элементы эмного подхода также проходят через фильтры профессиональных предпочтений исследователей, стремящихся к «объективности» и «нейтральности», что, кстати, плохо сочетается с антропологической традицией позиционирования исследователя через призму «треугольника насилия»: жертвы, преступника и свидетеля (Riches 1986).

Настоящий выпуск представляют статьи, подготовленные на основе докладов секции «Антропология массовых депортаций в СССР: проблематизация тезауруса», прошедшей в рамках XV Конгресса КАЭР в Санкт-Петербурге в 2023 г. Это вторая публикация материалов секции, первая вышла в 2023 г. (Шагоян, Гучинова 2023; Гучинова 2023; Танайлова 2023; Тахнаева 2023). В данный номер вошли статьи, рассматривающие депортацию армян в Сибирь в 1949 г. и опыт длительного выдавливания армян из Нахичеванской АССР.

Рассматривая указанные кейсы, авторы исследуют не только языковые репертуары, используемые для описания исторических событий, но и их эволюцию в более поздних нарративах. Таким образом, язык оказывается не просто инструментом описания, но и пространством формирования мифологем там, где отсутствуют однозначные ответы на сложные исторические вопросы. Авторы обращаются к тому, как современный язык влияет на интерпретацию событий прошлого и как, в свою очередь, язык репрессивных органов и непосредственных жертв используется для осмысления и объяснения событий, происходивших ранее или позднее, формируя тем самым описание опыта следующими поколениями.

Помимо официального и академического языка, особенно важную роль в артикуляции травматического опыта играют формы вернакулярной памяти – коллективной, но неинституционализированной памяти, которая сохраняется в семейных архивах, устных рассказах, бытовых ритуалах и визуальных практиках. Во многом пересекающаяся с концептом коммуникативной памяти четы Ассман и особенно в работах Алейды Ассман (2011), вернакулярная память больше акцентирует противопоставление официальной позиции, это, скорее, вариант контр-памяти. Итак, этот концепт используется для обозначения низовых форм запоминания, возникающих вне контроля государства и науки, но формирующих устойчивые локальные нарративы. В условиях отсутствия

официальной коммеморативной политики или ее фрагментарности, именно такие формы памяти становятся центральным механизмом сохранения и передачи опыта (Misztal 2003; Hirsch 2012).

Так, Барбара Миштал, анализируя типы социальной памяти, подчеркивает, что вернакулярная память проявляется в повседневных взаимодействиях, связанных с телесными и материальными практиками, и часто вступает в противоречие с доминирующими историческими нарративами (Misztal 2003: 158). Визуальные и устные семейные источники, сохраняемые в архивах, фотоальбомах и практиках рассказывания, также рассматриваются как основа для формирования постпамяти – вторичного опыта травмы у поколений, не переживших ее непосредственно (Hirsch 2012).

В контексте советских депортаций, лишенных полноценного институционального признания, такие вернакулярные формы памяти оказываются не только главным источником реконструкции прошлого, но и пространством формирования языка, в котором осмысливается этот опыт, – за пределами бюрократического и научного тезауруса.

В последние десятилетия в социальной антропологии язык информантов приобретает все большее значение как ключ к пониманию ими исторической реальности. Однако здесь важно учитывать, что нарративы потерпевшей стороны нередко воспроизводят язык властных структур, что требует деконструкции для выявления границ усвоенного дискурса. Здесь уместно вспомнить отношение к памяти Реджины Бендикс (Bendix 2009), которая, правда, в несколько ином контексте – нематериального культурного наследия, критикует институционализацию и политизацию памяти. В то же самое время через ее примеры можно лучше увидеть неизбежное воздействие институциональной памяти на носителя некой локальной версии какой-либо устной традиции, даже политически самой нейтральной (фольклор, ремесла, народные практики). Историки при этом оказываются в еще более сложной ситуации, поскольку вынуждены опираться на архивные источники, насыщенные официальной терминологией, что повышает риск воспроизведения политически ангажированного языка прошедшей эпохи в современных академических исследованиях.

Особую сложность выбор рабочего понятийного аппарата представляет для тех исторических событий, которые не получили международной правовой или политической квалификации, подобной Холокосту. Это обстоятельство способствует возникновению «конкурирующих нарративов памяти», претендующих на роль метанарратива, используемого в инструментализации коллективных травм. Как показал Майкл Ротберг (2009), травматические нарративы не обязательно находятся в отношении конкуренции: они могут быть взаимодополняющими в процессе выработки механизмов коллективной работы многонаправленной памяти.

Однако в изучении советской истории подобная перспектива пока выражена крайне слабо. Поэтому сведение в один номер нескольких кейсов дает нам возможность выстроить такую оптику, в которой лучше видно, как меняются взаимосвязанные язык, память и идентичность, формируя новые группы или расщепляя старые под воздействием глубоких коллективных потрясений.

Статья Г.А. Шагоян предлагает антропологический анализ депортации армян в рамках операции «Волна» (июнь 1949), в результате которой около 19 тысяч человек были высланы из Армении, Грузии, Азербайджана и Северного Причерноморья в Сибирь (Алтайский край, Томская область). Автор показывает, как этот кейс не вписывается в существующие научные классификации советских репрессивных практик. Г.А. Шагоян анализирует депортацию армян через призму трех языков описания: бюрократического, научного и вернакулярного, сопоставимых с «треугольником насилия» Ричеса (Riches 1986) (соответственно: насильник, свидетель и жертва). В статье разбирается, как советская административная система конструировала аморфные бюрократические категории (например, «контингенты»), которые расходились с самовосприятием депортированных, усложняя их самоидентификацию, создавая новые сообщества и их групповую память. Армяне были депортированы на основании различных критериев: бывшего гражданства, бывшей политической судимости главы семьи, пленения во время Великой Отечественной войны, иммиграции из стран капиталистического лагеря или подозрения в принадлежности к дашнакской партии¹, при этом сами депортируемые узнавали о своей включенности в тот или иной «контингент» только по месту прибытия на «вечное поселение».

Автор демонстрирует, что память о депортациях в Армении часто формируется и существует в локальных сообществах, заимствуя коммеморативные практики и символы из публичных практик коммеморации других исторических травм, например, геноцида армян 1915–1923 гг. Тем самым исследователь поднимает вопросы о границах применимости существующих научных классификаций депортаций и о сложной динамике формирования коллективной памяти в советском и постсоветском контекстах.

На большом полевом материале Шагоян показывает, как официальные термины вступали в конфликт с народными определениями депортации и как это влияло на восприятие самого события. Административный язык, формируя контингент «турки», мог включать в эту категорию далеко не только турок или даже турецкоподданных, но в том числе и армян, что, однако, не отменяло антиармянской направленности репрессий для самих пострадавших. Подобная терминологическая неопределенность осложняла коллективное позиционирование к этому событию пострадавшей группы и ее мемориальные практики.

Статья Е.Ю. Гуляевой и Ю.О. Андреевой посвящена анализу малоисследованного случая – вытеснения армян из Нахичеванской АССР в 1988–1989 гг., происходившего на фоне армяно-азербайджанского конфликта. Авторы опираются на корпус биографических интервью с вынужденными переселенцами, а также на демографические данные, позволяющие проследить долгосрочную динамику сокращения армянского населения в регионе, в частности, от трети населения Нахичеванского уезда к 1917 г.² или 34 700 согласно переписи 1897 г. (ВПН 1897, также см.: Кавказский календарь 1916: 214–221) до 1 858 армян к началу 1980-х гг. (Переписи населения 2013), а затем полному изгнанию армянского населения в 1989 г. Центральным в исследовании становится язык описания изгнания: авторов интересует, как сами информанты концептуализируют свое переселение – используют ли они такие категории, как «беженец», кого называют инициаторами вытеснения (государство, соседей, обстоятельства) и какие термины используют для обозначения собственной идентичности. Следует отметить, что стремление не ассоциироваться с категорией «беженцев» обусловлено не только причинами, указанными авторами, но и социально-культурными различиями между местным и пришлым населением. Значительная часть армян в Азербайджане проживала в городах, поэтому переселенцы чаще ассоциировались с городским образом жизни. В контексте традиционного сельского уклада это вызывало отторжение: нормы поведения и стили общения «городских» переселенцев, в большинстве своем уже русскоязычных, воспринимались как менее приемлемые. Эти различия усиливали символическую дистанцию между коренным сельским населением и «беженцами», порождая дополнительные идентификационные разрывы. В результате формировалось стремление дистанцироваться от статуса «беженца» не только из-за связанного с ним низкого социального капитала, но и из желания остаться внутри локальной оппозиции «свои (сельские)» – «чужие (городские)».

Анализ нарративов показывает, как индивидуальная память о потере дома и вынужденном отъезде вплетается в более широкий коллективный армянский нарратив травмы. В языке описания заметно влияние дискурсов, сформированных вокруг памяти о геноциде армян 1915 г., что позволяет рассматривать случай Нахичевани как часть «многонаправленной памяти» (Rothberg 2009). Неслучайно, что в черновой версии статьи авторы, следуя речевым стратегиям своих собеседников, называли события февраля 1988 г. в Сумгаите «резнёй». Это отражает не только эмоциональную оценку произошедшего, но и устоявшуюся в армянской коммуникативной памяти лексику описания насилия. Понятие «геноцид», предложенное Рафаэлем Лемкиным на основе кейса массовых этнических чисток армян в Османской империи, вошло в международный юридический оборот лишь в конце 1940-х гг. (Irvin-Erickson 2017). До этого

времени, как и в повседневной речи, трагические события 1915–1923 гг. описывались с помощью другого набора терминов: «резня», «бойня» (арм. *yeghern*, *jard*), «побег» или «депортация» (*pakhepah*).

Со временем слово *yeghern* (букв. «резня», «массовое убийство») приобрело сакрально-политическое значение, став в армянской культуре и диаспоре синонимом геноцида. Именно по этой причине ряд международных политиков, желая выразить сочувствие армянам, но избегая прямого употребления слова «геноцид» (запрещенного в официальной риторике Турции)³, прибегали к использованию термина *yeghern* как своеобразного эвфемизма.

В русскоязычных текстах и устных нарративах армян слово «резня» также сохраняет свое устойчивое значение. Оно может выступать либо в качестве перевода армянского *yeghern*, либо как наиболее точное, с точки зрения носителей языка, описание форм насилия начала XX в. Именно поэтому использование слова «резня» для обозначения событий в Сумгаите 1988 г. со стороны собеседников Гуляевой и Андреевой уже само по себе является интерпретацией произошедшего как части исторически продолжающейся политики насилия в отношении армян. Таким образом, насильники Сумгаита в восприятии информантов символически соотносятся с турками начала XX в., а события 1988 г. воспринимаются как реплика или продолжение геноцидной логики.

Авторы выделяют в нарративах три типа травматического опыта – утрата, символическая матрица и консолидация, – которые формируют новое «сообщество утраты» (Ушакин 2009). Эта категория становится продуктивной для понимания того, как коллективная идентичность армян-нахичеванцев формировалась через опыт изгнания и обмен опытом утраты. Особое внимание уделено сложным отношениям с азербайджанскими соседями, роли власти, а также символическим практикам, связанным с воспоминаниями о покинутых местах. Исследование демонстрирует, как индивидуальные рассказы становятся звеньями в цепочке формирования коллективной памяти и этнической солидарности.

Итак, в условиях отсутствия общепринятого академического языка для описания массовых переселений в СССР, а также активного использования в публицистике правовой лексики с размытыми и зачастую неустойчивыми значениями возникает проблема неприменимости этих терминов ко всем советским кейсам, которые сами существенно отличались друг от друга по характеру, масштабу и последствиям. В результате пострадавшие нередко объединяют в повседневном языке явления, которые в юридической практике определяются разными понятиями, такими как «геноцид», «культурный геноцид», «этнотцид» и т.д. Отстраняясь от сугубо правовых дебатов, мы предлагаем рассматривать, как подобные термины мигрируют из юридического словаря в медийный и в нациестроительные дискурсы. Анализ эмпирических описаний и способов их восприятия самими депортированными позволяет не только

уточнить исследовательский понятийный аппарат, но и глубже понять механизмы коллективной работы с травматическим опытом.

Представленные статьи демонстрируют разные подходы – от микро-исторических кейсов и архивных изысканий до анализа вернакулярных нарративов и теоретических моделей. Такой междисциплинарный взгляд позволяет рассматривать депортацию не просто как репрессивную операцию, но как длительный исторический процесс, формирующий идентичности, коллективную память и социальные практики, находящие продолжение в интерпретациях последующих поколений.

Публикации, вошедшие в данный тематический выпуск, демонстрируют разнообразие подходов к описанию и интерпретации массовых выселений, акцентируя внимание на сложности понятийного аппарата и неоднозначности используемых терминов. Представленные кейсы позволяют проследить, как различные языковые режимы – административный, академический, вернакулярный – формируют конкурирующие интерпретации одного и того же исторического явления. Тем самым данная подборка статей инициирует академическую дискуссию о границах применимости существующего тезауруса и о необходимости его критического переосмысления в междисциплинарной перспективе.

Примечания

¹ Армянская революционная федерация (Дашнакцутюн) – основанная в 1890 г. армянская социал-национальная партия, сыгравшая ключевую роль в создании Первой Республики Армения (1918–1920). После установления советской власти была запрещена и рассматривалась как антисоветская и буржуазно-националистическая организация (Sury 1993: 135–146). В годы сталинских репрессий членство в этой партии приписывалось почти всем, кто обвинялся по ст. 58-1а – измена Родине (чаще всего: связь с иностранными разведками, в том числе с «армянской буржуазной эмиграцией») и 58-11 – участие в контрреволюционной организации.

² Мы благодарны нашему коллеге Самвелу Меликсетяну за консультацию по поводу демографической картины Нахичеванского уезда и соответственно той ее части, которая после советизации Азербайджана и Армении вошла в Нахичеванскую АССР.

³ Речь идет о печально известной ст. 301 Уголовного кодекса Турции, согласно которой уголовному преследованию подлежит «оскорбление турецкой нации»; именно по этой статье в свое время был выдвинут обвинительный вердикт в отношении писателя Орхана Памука за его публичные высказывания о геноциде армян. В то время как в Турции использование термина «геноцид» в отношении событий 1915 г. может повлечь юридические последствия, в ряде других стран, напротив, уголовно наказуемым является отрицание геноцида армян – например, во Франции. О критическом отношении историков к практике криминализации оценок исторических событий см.: (Nora 2011).

Список источников

- Гучинова Э.-Б.М. Языки описания депортации калмыков // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 144–163. doi: 10.17223/2312461X/42/8
- Кавказский календарь на 1917 год. С приложением карт Кавказа, Азиатской Турции и Персии / под ред. Н.П. Стельмашука. Тифлис: Типография наместника Е.И.В. на Кавказе, 1916.

- Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. // Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. Демоскоп, 2013. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=575 (дата обращения: 30.07.2025).
- Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп, 2013. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=70 (дата обращения: 30.07.2025).
- Танайлова В.А. Истории о депортации чеченцев: трансформации языка описания // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 164–179. doi: 10.17223/2312461X/42/9
- Тахнаева П.И. Современная мифологема о «несостоявшейся депортации» дагестанцев в 1944 г. и исторические реалии // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 180–200. doi: 10.17223/2312461X/42/10
- Ушакин С. Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России // Травма: пункты / под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 306–345.
- Шагоян Г.А., Гучинова Э.-Б.М. Языки описания национальных депортаций на Кавказе. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 134–143. doi: 10.17223/2312461X/42/7
- Assmann A. *Cultural Memory and Western Civilization: Functions, Media, Archives*. Cambridge University Press, 2011.
- Bendix R. *Heritage Between Economy and Politics* // *Intangible Heritage* / eds. by L. Smith, N. Akagawa. Routledge, 2009.
- Hirsch M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. Columbia University Press, 2012.
- Irvin-Erickson D. *Raphael Lemkin and the Concept of Genocide*. University of Pennsylvania Press, 2017.
- Misztal B.A. *Theories of Social Remembering*. Open University Press, 2003.
- Nora P. *History, Memory and the Law in France, 1990–2010* // *Historien*. 2011. Vol. 11. P. 10–13.
- Riches D. *The Anthropology of Violence*. Blackwell; Oxford, 1986.
- Rothberg M. *Multidirectional Memory. Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford University Press, 2009.
- Suny R.G. *Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington: Indiana University Press, 1993.

References

- Assmann A. (2011) *Cultural Memory and Western Civilization: Functions, Media, Archives*. Cambridge University Press.
- Bendix R. (2009) *Heritage Between Economy and Politics*. In: *Intangible Heritage*. Smith L., Akagawa N. (eds). Routledge.
- Guchinova, E.-B.M. (2023) Languages for Describing the Kalmyk Deportations. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 144–163. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/8
- Hirsch M. (2012) *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. Columbia University Press.
- Irvin-Erickson D. (2017) *Raphael Lemkin and the Concept of Genocide*, University of Pennsylvania Press.
- Kavkazskiy kalendar' na 1917 god. S prilozheniyem kart Kavkaza, Aziatskoy Turtsii i Persii* [Caucasian calendar for 1917. With the appendix of maps of the Caucasus, Asian Turkey and Persia]. Tiflis: Printing house of the Viceroy of His Imperial Majesty in the Caucasus, edited by N.P. Stelmashchuk. 1916.
- Misztal B.A. (2003) *Theories of Social Remembering*. Open University Press.

- Nora P. (2011) History, Memory and the Law in France, 1990–2010, *Historein*, Vol. 11, pp. 10–13.
- Oushakine S. (2009) Vmesto utraty: materializatsiya pamyati i germeneytika boli v provintsial'noy Rossii [Instead of loss: materialization of memory and hermeneutics of pain in provincial Russia]. In: *Travma: punkty* [Trauma: points]. Ed. by S. Oushakine and E. Trubina. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, pp. 306–345.
- VPN. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g. [The first general census of the Russian Empire in 1897]. In: *Perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv* [Population censuses of the Russian Empire], USSR, 15 new independent states, Demoscope, 2013. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=575 (Accessed 30 July 2025).
- Perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimyykh gosudarstv* [Population censuses of the Russian Empire], USSR, 15 new independent states, Demoscope, 2013. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=70 (Accessed 30 July 2025)
- Riches D. (1986) *The Anthropology of Violence*. Blackwell, Oxford.
- Rothberg M. (2009) *Multidirectional Memory. Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford University Press.
- Shagoyan, G.A. & Guchinova, E.-B.M. (2023) Languages for Describing National Deportations in the Caucasus. Introduction to the Special Theme of the Issue. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 134–143. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/7
- Suny R.G. (1993) *Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington: Indiana University Press.
- Takhnaeva, P.I. (2023) The Modern Mythologeme about the “Failed Deportation” of Dagestanis in 1944 and Historical Realities. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 180–200 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/10
- Tanaylova, V.A. (2023) Stories of Chechen Deportation: Transformations of Narrative Language. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 164–179 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/9

Сведения об авторах:

ГУЧИНОВА Эльза-Баир Мацаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). ORCID: 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

ШАГОЯН Гаяне Арутюновна – ведущий научный сотрудник, отдел антропологии современности, руководитель Центра устной истории, Институт археологии и этнографии НАН РА (Ереван, Армения). ORCID: 0009-0001-0505-6236. E-mail: gayashag@yahoo.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Elza-Bair M. Guchinova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9901-0131. E-mail: bairjan@mail.ru

Gayane A. Shagoyan, Institute of Archaeology and Ethnography, Armenian Academy of Sciences (Erevan, Armenia). ORCID: 0009-0001-0505-6236. E-mail: gayashag@yahoo.com

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 14 июня 2025;
принята к публикации 9 августа 2025.*

*The article was submitted 14.06.2025;
accepted for publication 09.08.2025.*